

— Что это значит?

Мужчины семьи Валенсия от потрясения какое-то время не могли ничего ни сказать, ни сделать. Время словно остановилось, и только Розалия сама себе кивала головой.

— Розалия? — позвал её потрясённый герцог Валенсия, с трудом придя в себя и вернув обычное выражение лица.

Однако девочка была мыслями в другом месте и не услышала его.

— Розалия?

— А? Эм? Я? — спросила удивлённая девочка, указав на себя.

— Твои недавние слова. Что ты имела в виду?

— А что я сказала?

Казалось, она действительно не понимала, о чем он говорит. Розалия смотрела на него и просто моргала.

— Только что...

— Только что?

— Нет, ничего. Давай ешь, количество еды в твоей тарелке не становится меньше.

— А, да, верно.

Розалия даже представить не могла, что её слова: «Может быть, мне не восемь лет» мог кто-то услышать, потому что она считала, что думала про себя.

— Почему бы тебе просто не сказать что-нибудь? — тихо уколол герцога Лоренцо, который просто наблюдал за ситуацией. — Должна быть причина, по которой она это сказала.

Судя по её серьёзному лицу, это была не шутка, но из-за того, что Розалия бормотала себе под нос, они сомневались.

— Верно, должна быть какая-то причина.

Двое мужчин внимательно наблюдали за Розалией. Девочка, пришедшая к удовлетворительному выводу, наслаждалась своей едой. Глядя на её невинное личико, казалось, что недавние слова были лишь слуховой галлюцинацией.

— Сначала мне нужно спросить у Эммы.

Это определенно было странное заявление, но оба мужчины были новичками в уходе за детьми, поэтому не могли сразу принять решение.

— Но, папа, разве у тебя не так же?

Герцог Валенсия, который вполголоса разговаривал с Лоренцо, вздрогнул. Розалия, внимательно наблюдавшая за ним, лучезарно улыбнулась, словно нарочно притворялась веселой.

— Ты не ешь. Дедушка-повар старался приготовить сегодняшний ужин, и, если никто ничего не съест, то он будет плакать! — громко закричала девочка, ударив вилкой по столу, которая была свидетельницей того, как шеф-повар громко плакал.

— ...Шеф-повар будет плакать?

— Да!

Розалия кивнула в ответ на вопрос озадаченного Лоренцо. Было кое-что, о чем они не знали. У шеф-повара, который проработал в Валенсии более половины своей жизни, недавно был обеспокоен. Он думал о том, насколько вкусной должна быть еда, которую должны были подать внезапно появившейся однажды дочери герцога. На самом деле, ему было приятно готовить для девочки, которая хороша ела всё, что ей давали. Это стало источником жизненных сил для повара, который долгое время готовил без особого смысла для этой семьи, которая была мрачной и замкнутой. Однако он случайно услышал историю о том, что блюда шеф-повара столичного особняка Валенсии чуть не заменили на кремовые пирожные.

«Единственный выход — избавиться от своих ленивых мыслей! Если я хочу, чтобы моя голова оставалась на плечах, то должен подать сегодня более вкусную еду, чем вчера!»

Благодаря этому шеф-повар вспомнил о своих ленивых днях в прошлом. Он плакал из-за того, что понял, что жил, как отброс. Но Розалия не знала об этом. Она просто подумала, что он очень плаксивый человек.

— Вы меня вызывали, Ваша Светлость?

Поздняя ночь, когда все уже отправились в страну грёз, была отличным временем для тайного собрания. Эмма, которую позвали тайком, открыла дверь и неосознанно сделала полшага назад от удивления.

— Боже.

Перед Эммой развернулась мрачная сцена. Мужчины семьи Валенсии сидели за круглым столом со свечой в центре, словно вызывали демона.

— Что всё это значит?

В комнате было темно, и только нижняя половина их лиц была освещена свечой, придавая им жуткий вид.

— Лоренцо, зажги свет, — кратко произнёс герцог, который ничего не мог видеть.

— Брат, ты не понимаешь, это нужно, чтобы создать атмосферу.

— Вот почему твое зрение становится хуже.

— С моим зрением всё в порядке. Как ты видишь, я не ношу очки.

— Я знаю, что ты носишь очки, когда ты один, так что не притворяйся, что это не так.

Герцог Валенсия покачал головой, глядя на своего незрелого брата.

— Зачем вы меня звали?

— А-а, вот ты о чем, — Лоренцо, который тайно носил очки, казался очень удивлённым и спросил: — Когда ты следил за мной?

Но герцог проигнорировал его и посмотрел на Эмму. Было очевидно, зачем они её позвали. Однако герцог, который некоторое время колебался, после долгих раздумий заговорил:

— Сегодня во время ужина Розалия сказала, что ей, возможно, не восемь лет.

— Юная госпожа снова сказала это?

— Снова?

— Разве она не сказала, что уже большая? Дети в этом возрасте часто думают, что они совсем взрослые.

Эмма улыбнулась, словно говоря, что в этом нет ничего особенного. Однако герцогу было не до улыбок.

— Нет, если бы это было так просто, я бы не стал тебя звать. Проблема в том, что она сказала десять или двадцать лет. Розалия предположила, что её возраст в два раза больше.

— ...

— Дети в её возрасте тоже обычно так делают?

— ...Нет, — выслушав объяснения герцога, Эмма заметила, что ситуация немного отличается от того, что она думала. — Конечно, она раз говорила более зрелые вещи, чем могла выучить в её возрасте.

Помимо сквернословия, Розалия много раз использовала сложные слова, которые где-то узнала.

— Поскольку госпожа ещё очень юна, на нее сильно влияет её окружение. Особенно взрослые, которыми она может восхищаться и считать образцом для подражания, например, родители или учителя. В последнее время было что-то, что могло заставить её так подумать?

— Позови Саймона.

Совет Эммы имел смысл. Герцог заставил разбудить и позвать Саймона, который к этому времени уже должен был крепко спать.

— Что случилось, что вы меня позвали так поздно?.. Вы вдруг решили отрубить голову герцогу Ориксу?

Саймон, который, должно быть, только что проснулся, вошел аккуратно одетым, так как привык не спать всю ночь. Увидев мрачную атмосферу, царившую в комнате, он сделал полшага назад и сделал правдоподобное предположение. Конечно, никто ему на это не ответил.

— Как продвигается обучение Розалии?

— Разве вы не знаете всё из моих отчетов?

— Сейчас я спрашиваю о твоём объективном мнении как учителя.

— Она обучается очень быстро. Были небольшие трудности с исправлением её речи, но в остальном юная госпожа идеальная ученица.

— Всё потому, что ты обычно не используешь красивых слов.

На лице Саймона, которого внезапно раскритиковали, появилась обида. Он тайком посмотрел на Эмму, прося её доказать его невиновность, но та лишь доброжелательно улыбнулась. И ничего не сказала. Саймон, покинутый всеми, начал говорить о том, о чем его не спрашивали, чтобы залечить эту рану и выиграть этот спор:

— Пишет она довольно неумело, но учить её было не так сложно, потому что госпожа умеет читать...

— Что?

— А?

— Скажи это ещё раз.

— Умеет читать...

Атмосфера была странной. Саймон, повторяя то, что сказал ранее, почувствовал, что что-то не так.

— Разве вы не знали уже об этом?

— Я думал, ты научил её.

— Каким бы талантливым учителем я ни был, невозможно научить читать за несколько часов.

Вопрос о том, откуда герцог привёз Розалию, был неразрешимой загадкой, пока девочка не попыталась сбежать. Только сейчас Саймон, который обычно просто пропустил бы то, что Розалия бегло читает, сказав: «Она, вероятно, уже научилась этому», наконец-то увидел несоответствие.

— В наши дни в переулках же не учат детей читать, верно?

— Не говори глупостей.

— Я просто предположил! Предположил.

Слова Саймона были бесполезны.

— Существует две вероятности. Либо моя дочь гений, либо она научилась этому раньше.

Розалия говорила, что жила изначально в сиротском приюте. Однако детские дома были настолько качественными, чтобы обучать читать детей в возрасте пяти-шести лет.

— Должно быть, моя дочь — гений.

— П-поздравляю, — недовольно произнёс Саймон.

Лоренцо с гордостью сказал:

— Она моя племянница. Наверное, Роза вся в меня!

— ...Разве вы не выдаете желаемое за действительное? Какое сходство может быть между родственника, между которыми нет кровной связи?

— Так или иначе, она умнее других детей. Да, Роза — гений!

Несмотря на логичные рассуждения Саймона, Лоренцо совсем его не слушал. С другой стороны, герцог, который сказал, что она гений, погрузился в свои мысли с обеспокоенным выражением лица. Розалия сбежала из приюта приблизительно в то же время, когда герцог почти нашел дочь Розалин, но упустил её.

«Я уехал в спешке, поэтому не полностью замёл следы за собой. Хотя я знал, что дочь Розалин была похищена, и что это был кто-то, у кого хватило ума заметить, что я гнался за ней...»

Но он не нашел никого. Герцог по-прежнему считал, что не имеет значения, является ли Розалия дочерью Розалин или нет. То же самое касалось и её сил Святой.

Но...

«— У меня нет мамы. Перестань настаивать на этом!»

Тем не менее, ребёнок твёрдо верил, что у нее нет матери.

— Саймон, Розалия сказала, что она вдвое старше. Есть предположение, о чем она?

— Может, она играла какую-то роль? Разве в детстве обычно не играют в дочки-матери?

— Нет. Я не получала сообщений о таком от горничных.

Эмма тут же разбила предположение Саймона. Но ни Эмма, ни Саймон, ни герцог, которые всегда находились рядом с Розалией, так и не смогли найти причины её слов. Полуночное собрание продолжалось до рассвета, и они пришли к одному выводу.

— Пусть герцог сам спросит юную госпожу. Недавно она открылась вам до такой степени, что называет папой, поэтому, думаю, сможет довериться вам.

— Роза и мне открыла свое сердце. Я тоже хочу пойти!

Как только Эмма закончила говорить, Лоренцо поднял руку.

— Но, господин Лоренцо, госпожа никогда не называла вас дядей.

Лоренцо, серьезно раненный атакой Саймона, упал. Эмма с мягкой улыбкой посоветовала герцогу:

— Не давите на нее и не говорите, что это странно. Ведите себя естественно, хорошо?

В этот момент герцог Валенсия почувствовал, как тяжёлый груз лег на его плечи.